

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ БОЧКАРЕВ

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение нау-
ки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2679-8503; alexander.bochkariov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОСЛОВНОГО СТАТУСА ОЛОНЕЦКИХ СОЛДАТ И ДРАГУН: К ВОПРОСУ О ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В РОССИИ XVII ВЕКА

А н н о т а ц и я . Анализируются последствия социальной трансформации крестьянства Олонецкого уезда после введения в 1649 году солдатской службы. Создание в указанном регионе поселенных полков «нового строя» способствовало формированию особой социальной прослойки, занимавшей промежуточное положение между собственно крестьянами и служилыми людьми. Это явление отражает общероссийскую тенденцию середины XVII века – размывание сословных границ внутри вооруженных сил, что было особенно характерно для беспокойного северо-западного приграничья. Исследование показывает, что привлечение к военной службе крестьян Олонецкого уезда усилило социально-экономическую дифференциацию местного населения, выделяя солдат и драгун из общей массы крестьян. Доказано, что «милитаризация» внутрисословного положения была санкционирована центральной властью и привела к социально-профессиональной консолидации пашенных солдат и драгун. В заключение отмечается, что по своим обязанностям рядовой состав олонцевских полков «нового строя» примыкал к классу военных профессионалов, а по социальной организации – к крестьянам. Это в сочетании с относительно недолгим сроком службы и рядом других факторов не позволило им сформировать отдельную служилую корпорацию, в отличие от военнотружущих подобных частей южных уездов России.

К л ю ч е в ы е с л о в а : военные реформы середины XVII века, олонцевские полки «нового строя», сословная политика, социальная стратификация, служилая корпорация

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000029-0).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бочкарев А. С. Особенности сословного статуса олонцевских солдат и драгун: к вопросу о горизонтальной мобильности в России XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 60–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1320

ВВЕДЕНИЕ

В середине XVII века армия Российского государства переживала значительные технические, организационные, правовые и социальные трансформации. Одним из ключевых векторов многочисленных изменений стало усвоение и адаптация западноевропейского опыта, выраженного главным образом в создании и активном развертывании полков «нового строя» – пехотных и кавалерийских подразделений, находившихся на казенном содержании, вооруженных и обученных в соответствии с современными требованиями. В 1640–1650-е годы расширение источников комплектования дало возможность набирать эти полки из тяглого населения, что соответствовало одной из основ-

ных целей правительства молодого царя Алексея Михайловича Романова – численно увеличить и удешевить вооруженные силы (это было частью общеевропейской «пороховой революции»). Данные процессы привели к возникновению новых реалий в структуре российского общества XVII века, существенно увеличив масштабы социальной мобильности некоторых категорий населения и демократизировав военное дело на этапе становления регулярной армии.

На северо-западных границах социальные трансформации, связанные с военной службой, в наибольшей степени затронули население российской части Карелии. В 1647–1649 годах в Заонежских и Лопских погостах Новгородского уезда была проведена реформа, по результатам

которой данные административно-территориальные образования были выделены в отдельный Олонецкий уезд, а из местных чернососных крестьян и бобылей сформированы солдатские (1649 год) и драгунские (1652 год) полки. Они несли службу по охране русско-шведской границы, а с началом войны с Речью Посполитой (1654–1667) вошли в состав Новгородского разрядного полка и приняли участие в основных боевых операциях на территории Великого княжества Литовского, Шведской Ливонии и Кексгольмского лена Швеции [1: 58], [9: 133–134]. Военно-административные преобразования в Карелии явились логическим продолжением правительственных мер по укреплению обороноспособности границ силами полков «нового строя», начатых еще в 1630-х годах в зоне южнорусского фронта. В Олонецком уезде введение солдатской и драгунской службы привело к заметной дестабилизации крестьянского мира. Цель данной статьи – рассмотреть ситуацию, когда крестьяне, встав под ружье, приобрели новый социальный статус и сформировали особую прослойку, близкую по своему положению к низшим разрядам служилых людей.

Обозначенная проблема еще не становилась предметом специального исследования. В вопросах влияния солдатской службы на крестьянское сообщество Олонецкого уезда внимание ученых было сосредоточено в основном на метаморфозах повседневной жизни, экономических последствиях службы, демографическом упадке региона, различных формах сопротивления власти и т. п. [1: 107], [7], [16], [24]. Исследователями, начиная с М. М. Богословского¹, в целом признавалась некая двойственность положения карельского крестьянства в период существования олонецких полков «нового строя». Но при подведении общего знаменателя под работами предшественников напрашивается вывод, будто бы, несмотря на «осолдатчивание» и «драгунивание», заонежане и допляне не приобрели никаких черт служилых людей, а оставались прежними крестьянами, для которых полковая служба была тяжелой и ненужной повинностью. В современных исследованиях о Карелии раннего Нового времени проблема «условности» социальной стратификации также слабо изучена. Д. В. Брусницыной были рассмотрены вопросы определения статуса «охудалого» крестьянина в период службы олонецких полков [1: 38–48], а А. Ю. Жуковым на примере стрельцов, пушкарей и посадских жителей Олонца показана незавершенность оформления сословного статуса российского горожанина в XVII веке [6].

На сегодняшний день остаются нерешенными несколько важных вопросов: произошла ли (и в какой степени) инкорпорация олонецких солдат и драгун в служилое сословие; каковы последствия трансформации крестьянского сообщества в связи с его привлечением к военной службе; уникальны или характерны подобные процессы для Карелии на фоне общественных изменений середины XVII века? Ответы на них внесут определенный вклад в изучение социальной стратификации и горизонтальной мобильности российского общества раннего Нового времени.

Недостаточная разработанность обозначенной темы вынуждает обратиться к исследованиям служилого населения южных уездов России. Здесь вопросы их сословного положения и мобильности изучены более подробно. Отметим работы А. А. Новосельского [17], А. С. Ракитина² и Ю. П. Соловьева [22] о драгунах Комарицкой волости (схожих по комплектованию и организации с олонецкими полками); В. М. Важинского [2] об особенностях землевладения мелких дворян и детей боярских в период строительства Белгородской засечной черты; О. В. Скобелкина [20] о сословной политике государства в отношении служилого сословия юга России во второй половине XVII века. Перечисленная историография дает более четкое представление об упомянутых группах ратных людей и помогает в уточнении и конкретизации некоторых особенностей сословного статуса олонецких солдат и драгун.

Основную часть документальной базы исследования составили неопубликованные материалы фонда Олонецкой воеводской избы из Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Прежде всего речь идет о челобитных крестьян, солдат и драгун; на примере сопоставления лексики их самопрезентации с формуляром изучается вопрос изменения социального положения указанных групп и восприятия обществом произошедших изменений³. Привлечены также документы из коллекции Боярских и городских книг⁴ и фонда Приказных дел старых лет⁵ Российского государственного архива древних актов, связанные с введением статуса «охудалого» крестьянина в Олонецком уезде. В работе использованы и опубликованные источники⁶.

Предваряя дальнейшие рассуждения, важно подчеркнуть, что употребление термина «сословие» в отношении структуры российского общества середины XVII века достаточно условно, поскольку использование данного понятия в научном дискурсе проблематизируется отсут-

ствием подобных определений в русском бытовом и деловом языке рассматриваемого периода. В качестве общих категорий, с помощью которых население России строило свои социальные классификации, были «чин» и «люди». Несмотря на фиксацию Соборным уложением 1649 года структуры российского общества, и в частности выделения в отдельную его главу тех, кто нес военную службу, оно не провело разделения на страты и слои с четкими границами, что и определяет высокую степень социальной мобильности. Сословное устройство более четко стало оформляться лишь в первой четверти XVIII века [5: 127–130], [6: 24–26]⁷.

«МИЛИТАРИЗАЦИЯ» КРЕСТЬЯНСТВА

Государевы служилые люди, образующие личный состав армии, в социальной структуре Русского царства XVII века занимали первенствующее место. В историографии их принято разделять на две большие категории: «по отечеству» и «по прибору». В первую группу – ядро сотенной организации – входили бояре, окольные, стольники, стряпчие, московские дворяне, дворовые и городские дети боярские; они получали за службу поместные оклады и чины, а сама их служба была наследственной. Вторая группа – московские и городские стрельцы, казаки, пушкарки, затынщики, воротники, рейтары, драгуны и солдаты – переходное звено между наследственным дворянством и тяглым населением; набиралась из вольных и посадских людей, крестьян и беспоместных детей боярских, обеспечивалась денежным жалованьем и мелкими земельными дачами. Служилое сословие не являлось однородным, но ему были присущи три важнейших маркера, отделявшие его от других групп населения: это обязательство военной службы, право на привилегированное землевладение (в различных формах) и налоговый иммунитет (или льготное налогообложение) [5: 320–321], [10: 5], [18: 188–189].

Создание на северо-западных границах олонечских полков «нового строя» хотя и спровоцировало возникновение уникальных для региона социальных вызовов, но опиралось на опыт организации обороны в районе южнорусского фронта. На протяжении XVI–XVII веков на степных окраинах Русского государства в связи с их активной колонизацией, сохранением татарской угрозы и возведением новых засечных черт существовала острая необходимость присутствия постоянной военной силы. Поэтому в первой половине XVII века в ряде южных уездов произошла ликвидация круп-

ного феодального землевладения и были проведены мероприятия по массовому испомещению там мелких дворян и детей боярских в качестве оборонительного ядра «польской украины» [2: 78], [20: 60]. Осознание правительством преимуществ войск «нового строя» в степной войне обусловило в 1638–1647 годах формирование отрядов «кормовых» драгун, набравшихся из «вольных гулящих людей», казаков и солдат-ветеранов Смоленской войны, несших сезонную службу на Белгородской черте [11: 25–29]. Частью процесса увеличения концентрации войск там стало и широкомасштабное привлечение к службе тяглого населения. В 1646–1647 годах крестьяне ряда помещичьих и монастырских вотчин, граничивших с Речью Посполитой и Диким полем, были переписаны в дворцовые и сформировали поселенные драгунские полки для несения постоянной службы в пределах Белгородской черты [8: 132–135]. Самыми многочисленными из них были драгуны дворцовой Комарицкой волости (5500 человек), по ряду черт схожие с олонечскими полками «нового строя» и подчиненные не приказу Большого Дворца (как остальные дворцовые волости), а военному ведомству – Разрядному приказу [11: 31–32, 35], [14: 113], [27].

Важно отметить, что среди историков, так или иначе касавшихся статуса комарицких драгун, есть несколько определений, обозначающих их новое положение после 1646 года. Так, А. В. Чернов [26: 342], В. П. Загоровский [8: 132–135], а вслед за ними С. Т. Минаков и Э. А. Минакова [15: 31] писали о «переводе» комарицких крестьян в драгуны, подразумевая, что те становились частью служилого сословия. Наиболее широкое хождение в советской и российской историографии получило осторожное определение А. А. Новосельским комарицких драгун как «милитаризованных» крестьян, то есть номинально служилых людей «по прибору», а фактически лишь приближенных к этому классу крестьян⁸ [4], [14: 113], [17]. Однако позднее Ю. П. Соловьев попытался опровергнуть тезис о милитаризации и настаивал на перемене сословного статуса комарицан, акцентируя, что государство требовало с них не тягло, а службу [22: 104–105]. В любом случае, привлечение к драгунской службе тяглого населения спровоцировало серьезные социальные сдвиги при сохранении традиционного крестьянского уклада.

Формирование первых солдатских полков в Олонечском уезде в 1649 году также характеризуется специфическими переменами в среде северного черносошного крестьянства. В ходе реа-

лизации проекта местные жители были поделены на две категории: собственно пашенных (то есть взятых от земли, пахоты) солдат, освобожденных от уплаты данных и оброчных денег, и «охудалых», не подлежащих службе, но продолжавших нести тягло, крестьян⁹. Исследователи, сначала Р. Б. Мюллер [16: 131], а затем Т. В. Старостина [24] и А. Ю. Жуков [7: 142], определяли «охудалых» как беднейший слой населения, неспособный экономически обеспечивать собственную службу и поэтому освобожденный от нее. Д. В. Брусницына дополнила эти выводы, уточнив, что в категорию «охудалых» попадали, кроме самых бедных крестьян, старосты, целовальники, увечные и негодные по возрасту солдаты. В случае смерти родственника-солдата в «охудалые» переводились солдатские отцы, братья и племянники (если во дворе больше не было мужчин, годных к службе). Следовательно, деление на пашенных и «охудалых» производилось не только по критерию экономической обеспеченности, но и по наличию или отсутствию во дворах (как бедных, так и зажиточных) мужчин, годных к службе по возрасту и состоянию здоровья [1: 38–48]. Хотя в драгунских поселениях Белгородской черты такого деления, вероятно, не существовало, но зато вопросы фиска на юге и севере решались в сходном ключе. В 1646 году комарицкие драгуны были освобождены от уплаты денежного и медвяного оброка, посопного хлеба, ямских и стрелецких денег, то есть получили налоговый иммунитет (впрочем, регулярно нарушаемый в 1660-е годы) [17]. С введением службы в Олонецком уезде на солдатские семьи также перестал распространяться платеж данных и оброчных денег, в то время как «охудалые» крестьяне несли тягло в обычных объемах, о чем с 1649 года из раза в раз повторяют уездные сметные списки доходов и расходов¹⁰.

Таким образом, разделение жителей Олонецкого уезда после 1 марта 1649 года¹¹ на «охудалых» крестьян и пашенных солдат и освобождение последних от уплаты налогов предопределило дальнейшую социально-экономическую дифференциацию местного населения. При этом нужно иметь в виду, что одним из основных признаков служилого сословия является его относительная обособленность [18: 187–188], а распространившаяся к середине XVII века практика набора полков «нового строя» из черносошного и дворцового крестьянства определенным образом сближала поселенных солдат и драгун с классом военных профессионалов. И в этой связи важно понять, сложилась ли у олончан¹²

корпорация, которую можно расценивать как один из признаков интеграции в этот класс.

По большому счету, «милитаризация» сословного статуса тяглых категорий населения не являлась уникальным явлением для России раннего Нового времени. Уже в начале XVII века существовали примеры ухода в вольные казаки беглых крестьян и холопов: А. Л. Станиславский подчеркивал значение этого шага для человека, который быстро переставал ощущать себя крестьянином [23: 7]. Особенно это было актуально для местностей, где не было условий, обеспечивавших развитие поместной системы [21: 124]. К середине – второй половине XVII века социальная мобильность была характерна для вооруженных сил и осознавалась как норма. Проведение правительством политики сословной мобильности, следствием чего была размытость сословных границ между служилыми и тяглыми, особенно в районе южного фронта, обуславливалось потребностью пополнения армии, что и породило возможность перехода крестьян, стрельцов и казаков не только в солдаты, драгуны или рейтары, но даже в дети боярские. Примером использования такого социального лифта может служить верстание сокольских драгун (завербованных из крестьян) в дети боярские. Как считает А. С. Ракитин, основным фактором, повлиявшим на перемену сословного статуса сокольских драгун, было их иное, чем у набранных с дворцовых территорий, отношение к службе и общее опасение перевода села Соколье из дворцового в помещичье, каким оно и было до 1647 года [19]. Похожая ситуация в конце 1640-х годов наблюдалась и среди болховецких драгун на Белгородской черте, завербованных из вольных и «разных чинов» людей, которые в течение нескольких лет предпринимали попытки добиться их перевода в категорию детей боярских [12: 65]. С другой стороны, массовое испомещение в течение XVII века мелких дворян и детей боярских по южным границам породило различные переходные формы землевладения, эволюционирующие в сторону крестьянского землепользования, что привело в первой четверти XVIII века к складыванию обособленной среди сельского населения сословной группы однодворцев, отличительными признаками которой были одновременно служба в ландмилиции и обязанность платить налоги [2: 164–165], [25: 84]. Тем не менее данные факты не следует понимать как стирание границ между представителями различных страт: удельный вес выходцев из непривилегированных слоев в составе дворянства к середине XVII века составлял не более 3 % [5: 328–331], [25: 84].

ГОСУДАРЕВЫ СЛУГИ

На фоне общероссийских социальных трансформаций не удивительно, что выделение группы пашенных солдат из общей массы черносошных крестьян Олонецкого уезда также «милитаризовало» их внутрисословное положение. Это изменение лучше всего демонстрируют тексты челобитных. Еще в середине XVI века в источниках этого типа, являющихся по своей структуре стройным письменным прошением, составленным строго по формуляру, среди данных об адресанте появляются лексические формулы, выражающие отношения к адресату. У служилых людей такая формула вассальной зависимости имела вид словосочетания «холоп твой», у крестьян – «сирота твой», у женщин – «раба твоя», у священнослужителей и монахов – «богомалец твой», у монахинь – «богомолица твоя» [3: 44]. Это выглядело следующим образом:

«Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу бьет челом твой государев холоп болной салдат Оштинского погоста Ладвенской волости Якушко Микитин»¹³.

Ключевая деталь состоит в том, что указанные фразы не только служили для выражения субординации, подчиненности лицу, к которому обращался челобитчик, но и являлись его социальной характеристикой [3: 49].

В фонде Олонецкой воеводской избы Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН отложились сотни разнообразных прошений, среди которых нами были проанализированы 513 челобитных крестьян, солдат, драгун и их родственников мужского пола, сохранившиеся за 1649–1651 и 1658–1664 годы. В ходе исследования удалось установить, что из общего числа рассмотренных документов есть 150 челобитных, адресантами которых выступают солдаты или драгуны, где применяется формула вассальной зависимости, соответствующая прошением служилых разрядов – «холоп твой»; 315 челобитных крестьян (в том числе старост, захребетников и бобылей) с отвечающим делопроизводственным нормам формуляром «сирота твой»¹⁴.

В документах прослеживаются и некоторые особенности. В частности, были обнаружены восемь коллективных крестьянско-солдатских челобитных с формулой «сирота твой», а также девять челобитных солдатских отцов с той же «шапкой» (впрочем, наличествует одна челобитная солдатского отца с выражением «холоп твой»). Кроме того, в массе документов есть и одна челобитная солдата, в тексте которой одновремен-

но встречаются и «холоп», и «сирота», и одна солдатская без прописи формулы субординации¹⁵. При этом попадают и явные исключения из общепринятой делопроизводственной практики. Это 24 солдатских челобитных с формулой «сирота твой» (вместо необходимой «холоп твой») и четыре крестьянских с формулой «холоп твой» (вместо «сирота твой») ¹⁶. Однако доля этих документов не превышает 5 % и 1 % соответственно от общего числа рассмотренных челобитных. Данные исключения объяснить в точности не представляется возможным. В одних случаях можно предположить неаккуратность или ошибку подьячего, составившего текст челобитной, или адаптацию документооборота в первые годы существования олонечких полков. В других – неопределенное, ожидающее перемены положение челобитчиков (например, прошения об освобождении от службы раненых, «устарелых» и «недорослых» солдат маркируются крестьянской формулой «сирота твой») ¹⁷.

Таким образом, в подавляющем большинстве проанализированных документов челобитные записанных в солдатскую или драгунскую службу лиц имеют формулу адресанта, характерную для служилого сословия, – «холоп твой», в то время как остальные крестьяне Заонежских и Лопских погостов – «охудалые», бобыли, захребетники, старосты и т. п. – сохраняют прежнюю формулу субординации. Следовательно, пашенный солдат или драгун, не выходя за пределы крестьянского сословия, по своим новым обязанностям формально причислялся к разряду служилых людей, превращаясь из сироты государевой в его вооруженного слугу. Более того, важно иметь в виду, что челобитные составлялись не самими солдатами, а подьячими съезжей избы, площадными подьячими, ротными или церковными дьячками, то есть приказными людьми, владеющими навыками ведения делопроизводства, а в более широком смысле – низшими представителями разветвленного аппарата государственного управления. Это говорит именно о внешнем восприятии олонечких солдат и драгун как служилых людей «по прибору» (к слову, принадлежность рейтар, солдат и драгун к приборным чинам признавалась уже на Земском соборе 1642 года [14: 106]). Поэтому «милитаризация» внутрисословного положения записанных в полки крестьян – санкционированный властью шаг, повлекший за собой профессиональную консолидацию солдат и драгун.

НЕУДАВШАЯСЯ СЛУЖИЛАЯ КОРПОРАЦИЯ

Тем не менее эти доводы недостаточны, чтобы уверенно свидетельствовать о существовании

устойчивого и обособленного служилого сообщества олонецких солдат и драгун. Дело в том, что еще с 1648 года согласно царскому указу в Занежских погостах был введен запрет продавать и закладывать деревенские участки, что означало постепенное введение норм крепостного права¹⁸ [7: 139]. Кроме того, в период пашенной службы наблюдалась своеобразная внутрисословная ситуативная мобильность, когда по результатам рассмотрения челобитной солдат или драгун мог быть признан «охудалым» крестьянином, освобожден от военной службы и обложен тяглом, и наоборот, когда люди из категории «охудалых» переводились в солдаты [1: 40–44]. Наконец, у них отсутствовал важный критерий соответствующей сословной принадлежности – это, по Н. П. Павлову-Сильванскому, «наследственная обособленность», каковая типична для дворян, детей боярских и стрельцов [18: 187]. Олонецкие полки в исторической ретроспективе просуществовали относительно недолго – с 1649 по 1666 год, за эти 17 лет фактор наследственности службы сформироваться не успел. Несмотря на то что рядовой и сержантский состав во всех документах рассматриваемого периода именуется солдатами и драгунами, они все равно оставались частью системы местного самоуправления и с социальной точки зрения были крестьянами. Это коррелирует и с позицией А. Ю. Жукова, который, занимаясь близкой к предмету данного исследования темой – социальным статусом посадских людей Олонца середины XVII–XVIII веков, пришел к выводу, что сословный статус четко не определял обязанности перед государством, в основу формирования тех или иных социальных групп ложился критерий «по обязанностям» [6: 30]. Иными словами, факт существования особой внутрикрестьянской группы олонецких солдат и драгун налицо, но попытка консолидации их в отдельную группу происходила по линии военных обязанностей перед монархом, а не приобретения новых сословных черт, что определяет зыбкость и промежуточность их сословного статуса.

Именно по причине долгой и наследственной по характеру службы в условиях постоянной военной угрозы со стороны Дикого поля большей инкорпорации в служилое сословие достигли комарицкие драгуны. Дело в том, что уже с 1632 года дворцовые комарицкие крестьяне были переведены в «даточные казаки», чье положение было близко к положению родовых ратных людей (впрочем, А. В. Малов склонен считать, что это был вариант даточной службы)¹⁹ [14: 113]. Верстание комаричан в дра-

гуны в 1646 году и их участие в войне с Речью Посполитой 1654–1667 годов ускорило процесс формирования черт социальной идентификации, характерных для служилых людей «по прибору»²⁰. В отличие от олонецких полков, расформированных уже в 1666 году, комарицкие драгунские полки просуществовали до 1679 года, когда во время Русско-турецкой войны 1676–1681 годов были переведены в солдатские [15: 33]. В 1680 году из-за массового дезертирства комаричане были освобождены от полковой службы, однако оставались на положении солдат до конца XVII века [22: 122–125]. Стоит добавить, что при этом волостной строй Комарицкой волости оставался неизменным на протяжении всего столетия [17]. Таким образом, наследственные черты службы комаричан определились почти семьдесятю годами «милитаризации», которые не успели сформироваться за 17 лет у олонецких солдат и драгун.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате вслед за первоначальной социально-экономической дифференциацией черносошного крестьянства Олонецкого уезда был дан старт так и не оформившемуся процессу социально-профессиональной консолидации солдат и драгун и их включения в служилое сословие, выразившемуся в «милитаризации», определившей промежуточность и размытость их сословного статуса. Документально-лексические изменения, закрепившиеся в правовой сфере, хотя и стали отражением восприятия обществом нового положения солдат и драгун, но свидетельствовали лишь о наличии у них военных обязанностей перед государством. Они не исключались из волостной системы самоуправления и сохраняли крестьянский уклад жизни. То есть по своим обязанностям олонецкие пашенные солдаты и драгуны примыкали к служилому сословию, а по социальной организации – к крестьянам. Эта двойственность, неопределенность внутрисословного положения хоть и выделяла олончан из общей массы сельского населения, но в итоге не позволила им сформировать отдельную служилую корпорацию.

Подводя итог, подчеркнем, что военные реформы 1640–1650-х годов стали катализатором социальных изменений внутри различных страт населения России, «либерализовав» сословную политику. По образному выражению Ю. М. Лотмана, «в пестрой картине допетровского общества с его богатством групп и прослоек дворянин и крестьянин еще не сделались полярными фигурами» [13: 21]. Между тем данные трансформации

иницировались и проводились в основном государством в периоды форсированного выполнения важнейших военных и внешнеполитических задач и ограничивались после решения ключевых проблем [20: 64]. С учетом вышесказанного можно резюмировать, что солдаты и драгуны поселенных полков, как олонецких, так и, например, комарицких, имели характерный для России середины XVII века переходный социальный

статус – «милитаризованные» крестьяне являлись одновременно служилой прослойкой. Таким образом, следует говорить не о сближении социального положения пашенных солдат с иными категориями служилых людей, а о конструировании государством посредством этого сближения качественно нового облика вооруженных сил на начальном этапе формирования русской регулярной армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. 1. М.: Издание Императорского университета истории и древностей российских при Московском университете, 1909. С. 144.
- ² Ракитин А. С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости в системе обороны южного пограничья Московского государства в 20–40-е гг. XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2015. 209 с.
- ³ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – НИА СПбИИ РАН). Ф. 98. К. 1–5.
- ⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 137. Д. 2–4.
- ⁵ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29.
- ⁶ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.; Карелия в XVII веке: Сб. документов. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 442 с.
- ⁷ Соборное уложение 1649 года... С. 24–27.
- ⁸ Ракитин А. С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости... С. 60–76.
- ⁹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 14–15; Ф. 137. Оп. 1. Д. 2. Л. 19–19 об., 21 об.–22.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 137. Олоонец. Д. 2. Л. 19–19 об., 21 об.–22; Д. 3. Л. 14–15 об.; Д. 4. Л. 47, 56 об., 87 об.–88, 135 об.–137, 182 об.–183 об., 231–232 об., 281–281 об., 329–330, 380, 469.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 14–15.
- ¹² Так называли не только посадских людей Олонца, но и жителей всего Олонецкого уезда [6: 38].
- ¹³ НИА СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 82. Ст. 50–51.
- ¹⁴ Там же. К. 1–5.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. К. 3. Д. 82. Ст. 18, 46; К. 4. Д. 6. Ст. 1; Д. 91. Ст. 1.
- ¹⁸ Карелия в XVII веке: Сб. документов... С. 70.
- ¹⁹ Ракитин А. С. Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости... С. 106–110.
- ²⁰ Там же. С. 72.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусницына Д. В. Полки пашенных солдат в северо-западном российском приграничье (1649–1666). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 107 р. Электронное издание. 1 электрон. опт. диск.
2. Вагинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (по материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. 236 с.
3. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. 164 с.
4. Глазатова Е. А., Ракитин А. С. Сокольские драгуны на Белгородской черте. Сказки о количестве поместной земли (1646 г.) // Записки Липецкого областного краеведческого общества. 2013. Вып. 10. С. 149–184.
5. Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб.: Алетейя, 2018. 722 с.
6. Жуков А. Ю. Крестьянский уклад и военная служба в жизни горожан: город Олоонец в середине XVII–XVIII вв. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Вып. 3. 2018. С. 23–42.
7. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2003. 256 с.
8. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1969. 291 с.
9. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
10. Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2018. 544 с.
11. Курбатов О. А. Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х – начале 1650-х годов // От Донца до Ворсклы. Белгород: Константа, 2016. С. 25–36.
12. Курбатов О. А. Служилые сословия на русских оборонительных линиях XVI–XVII вв. Особенности и закономерности развития // Астраханские Петровские чтения: Материалы VIII Междунар. науч. конф. Астрахань, 2024. С. 62–67.

13. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
14. Малов А. В. Основные проблемы строительства вооруженных сил России. 1613–1689 гг. М.: Квадрига, 2022. 324 с.
15. Минаков С. Т., Минакова Э. А. Комарицкие драгуны генерала Змеёва // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 2 (91). С. 30–35.
16. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII веков. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 175 с.
17. Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине 17 века // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 65–80 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diderix.petergen.com/lub-nvskj.htm> (дата обращения 25.12.2025).
18. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. М.: Крафт+, 2000. 288 с.
19. Ракитин А. С. Непослушание драгун Комарицкой волости иноземцам начальным людям 1647 г. // Сборник статей и материалов, посвященный деревне Любошь и местам ее окружающим [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diderix.petergen.com/rgd-n47.htm> (дата обращения 19.12.2025).
20. Скобелкин О. В. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII века // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 58–65.
21. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 326 с.
22. Соловьев Ю. П. Комарицкие драгуны. Об одной неудавшейся служилой корпорации // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Вып. 12–13. Саратов, 2019. С. 102–126.
23. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270 с.
24. Старостина Т. В. Пашенные солдаты: к 450-летию русской регулярной армии // Карелия. 2000. № 47 (646). С. 9.
25. Ткачева Н. К. К истории крестьян-однодворцев в XVIII веке // Советские архивы. 1971. № 1. С. 84–87.
26. Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I). М., 1949. 1603 с.
27. Шеламанова Н. Б. Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России. М., 1974. С. 191–214 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diderix.petergen.com/lub-slmv.htm> (дата обращения 25.12.2025).

Поступила в редакцию 26.02.2026; принята к публикации 30.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Alexander S. Bochkarev, Cand. Sc. (History), Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-2679-8503; alexander.bochkariov@yandex.ru

FEATURES OF THE ESTATE STATUS OF OLONETS SOLDIERS AND DRAGOONS: REVISITING HORIZONTAL MOBILITY IN SEVENTEENTH-CENTURY RUSSIA

Abstract. The article analyzes the consequences of the social transformation of serf peasants in the Olonets Uyezd following the introduction of soldier service in 1649. The establishment of settled “new model” regiments in this region contributed to the formation of a special social stratum that occupied an intermediate position between peasants and service people. This phenomenon reflects an all-Russian trend in the mid-XVII century – the blurring of estate boundaries within the armed forces, which was particularly characteristic of the turbulent northwestern borderlands. The study shows that the military recruitment of peasants from the Olonets Uyezd intensified the socio-economic differentiation of the local population, distinguishing soldiers and dragoons from the general mass of peasants. It was proven that the “militarization” of intra-estate status was sanctioned by the central authorities and led to the socio-professional consolidation of peasant soldiers and dragoons. The article concludes that in terms of their obligations the rank-and-file of the Olonets “new model” regiments aligned with the class of professional soldiers, while in terms of their social organization they remained connected to peasants. This, combined with a relatively short term of service and a number of other factors, prevented them from forming a separate service class corporation, unlike the servicemen of similar units in the southern uyezds of Russia.

Keywords: mid-seventeenth-century military reforms, Olonets “new model” regiments, class policy, social stratification, service class corporation

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state research project No 124022000029-0 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Bochkarev, A. S. Features of the estate status of Olonets soldiers and dragoons: revisiting horizontal mobility in seventeenth-century Russia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):60–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1320

REFERENCES

1. Brusniut'syna, D. V. Regiments of peasant soldiers in the northwestern Russian borderland (1649–1666). Petrozavodsk, 2016. 107 p. (In Russ.)
2. Vazhinsky, V. M. Land tenure and the formation of the odnodvortsy community in the XVII century (a study of the southern uyezds of Russia). Voronezh, 1974. 236 p. (In Russ.)
3. Volkov, S. S. Vocabulary of seventeenth-century Russian petitions: structure, traditional etiquette, and stylistic means. Leningrad, 1974. 164 p. (In Russ.)
4. Glazatova, E. A., Rakitin, A. S. Sokolsk dragoons on the Belgorod defense line. Records on the amount of land granted for military service (1646). *Proceedings of the Lipetsk Regional Local History Society*. 2013;10:149–184. (In Russ.)
5. Boundaries and markers of social stratification in Russia, XVII–XX centuries: research vectors. St. Petersburg, 2018. 722 p. (In Russ.)
6. Zhukov, A. Yu. Townspeople's peasant way of life and military service: the town of Olonets in the middle of the 17th and the early 18th centuries. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018;3:23–42. (In Russ.)
7. Zhukov, A. Yu. Administration and self-government in seventeenth-century Karelia. Veliky Novgorod, 2003. 256 p. (In Russ.)
8. Zagorovsky, V. P. The Belgorod defense line. Voronezh, 1969. 291 p. (In Russ.)
9. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
10. Kozlyakov, V. N. Service people of Russia in the XVI–XVII centuries. Moscow, 2018. 544 p. (In Russ.)
11. Kurbatov, O. A. The dragoon formation on the Belgorod defensive line between the 1630s and the early 1650s. *From the Donets to the Vorskla*. Belgorod, 2016. P. 25–36. (In Russ.)
12. Kurbatov, O. A. Service estates on Russian defense lines in the XVI and XVII centuries. Features and patterns of development. *The Astrakhan Petrov Readings: Proceedings of the VIII international research conference*. Astrakhan, 2024. P. 62–67. (In Russ.)
13. Lotman, Yu. M. Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII–early XIX centuries). St. Petersburg, 1994. 399 p. (In Russ.)
14. Malov, A. V. Main problems of building the armed forces of Russia, 1613–1689. Moscow, 2022. 324 p. (In Russ.)
15. Minakov, S. T., Minakova, E. A. Komaritsky dragoons of General Zmeev. *Scientific Notes of Orel State University*. 2021;2(91):30–35. (In Russ.)
16. Muller, R. B. Essays on the history of Karelia in the XVI and XVII centuries. Petrozavodsk, 1947. 175 p. (In Russ.)
17. Novoselsky, A. A. Palace peasants of the Komaritskaya Volost in the second half of the XVII century. *Issues of history of Russian economy and population*. Moscow, 1961. P. 65–80. Available at: <http://diderix.petergen.com/lub-nvskj.htm> (accessed 25.12.2025). (In Russ.)
18. Pavlov-Silvansky, N. P. The service people of Russian monarchs. Moscow, 2000. 288 p. (In Russ.)
19. Rakitin, A. S. Disobedience of dragoons from the Komaritskaya Volost to foreign commanders (1647). *Collection of articles and materials dedicated to the village of Lyuboshch and its surroundings*. Available at: <http://diderix.petergen.com/rgd-n47.htm> (accessed 19.12.2025). (In Russ.)
20. Skobelkin, O. V. Servicemen at the southern frontier: particular quality of land ownership, land and class state policy at the latter half of the XVII century. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2013;1:58–65. (In Russ.)
21. Skrynnikov, R. G. Socio-political struggle in early-seventeenth-century Russia. Leningrad, 1985. 326 p. (In Russ.)
22. Solovyov, Yu. P. Dragoons from the Komaritskaya Volost. On one failed service class corporation. *Military and historical research in the Volga Region: Collection of research works*. Issue 12–13. Saratov, 2019. P. 102–126. (In Russ.)
23. Stanislavsky, A. L. The civil war in seventeenth-century Russia: The Cossacks at a historical turning point. Moscow, 1990. 270 p. (In Russ.)
24. Starostina, T. V. Peasant soldiers: celebrating the 450th anniversary of the Russian regular army. *Karelia*. 2000;47(646):9. (In Russ.)
25. Tkacheva, N. K. Revisiting the history of odnodvortsy peasants in the XVIII century. *Soviet Archives*. 1971;1:84–87. (In Russ.)
26. Chernov, A. V. Building the armed forces of the Russian state in the XVII century (before Peter the Great). Moscow, 1949. 1603 p. (In Russ.)
27. Shelamanova, N. B. The Komaritsa Volost and the Sevsk Uyezd in the first half of the XVII century. *Issues of history of Russian economy and population*. Moscow, 1974. P. 191–214. Available at: <http://diderix.petergen.com/lub-slmv.htm> (accessed 25.12.2025). (In Russ.)

Received: 26 February 2026; accepted: 30 April 2026; published: 29 May 2026